

Александр Етоев

Ходили мы походами

Нечёртова дюжина

Александр Етоев

Ходили мы походами

«Автор»

Етоев А. В.

Ходили мы походами / А. В. Етоев — «Автор», — (Нечёртова дюжина)

© Етоев А. В.

© Автор

Александр Етоев

Ходили мы походами

1

Васильков ковырял пальцем в ухе, будто ключ в замке поворачивал, – с каким-то мелким металлическим скрипом. Что у него там скрипело – неясно. То ли смазка высохла по причине летней жары, то ли в пальце сустав заело.

Левый тапок у Василькова был лохматый, грустный, весь какой-то больной; правый был вполне ничего, вполне новый, только уж очень грязный.

Может, Васильков, он левша? В смысле, на толчковую ногу.

Станный Васильков человек. Умный, но очень странный. Задумчивый, не как все. Одно слово – изобретатель.

Вот и сейчас – сплюнул с губы травинку и говорит:

– Пор-р-шень, пар-р и впер-рёд.

– Пар? Это еще зачем? А поршень? – спросили мы с Валькой одновременно.

– Эффект присутствия! – Васильков поднял к небу палец.

– Чего-чего? – Я не понял.

– Армия невидимок.

Я посмотрел на Вальку. Валька посмотрел на меня. Потом мы оба посмотрели на Василькова.

Васильков молчал.

– Ясно, – сказал Валька с унылым вздохом. – Ладно, Васильков, мы пойдем. Как-нибудь и без поршня справимся.

– Ага, – сказал я и отправился вслед за Валькой к калитке. – Без поршня оно как-то привычнее.

– КПД – четыре процента, – задумчиво сказал Васильков, что-то быстро царапая на земле веточкой. – А если отказаться от пара...

Калитка скрипнула и закрылась. Мы медленно побрели вдоль забора. Из проулка выглянула чья-то непонятная голова, сверкнула на нас глазами и вмиг исчезла.

Валька вынул из кармана рогатку и побежал вперед. В проулке уже никакой головы не было. Валька выстрелил наугад по хилым зарослям купыря, шуганул бабукинских кур и погрозил в сторону леса, в который упирался проулок.

В лесу что-то громко ухнуло, над острыми верхушками ёлок поднялся клубок ворон и рассыпался чернильными кляксами.

– Видел? – сказал мне Валька, тыча пальцем в шевелящийся лес.

– Да уж, – сказал я на всякий случай, хотя ничего особенного не видел. Ёлки, ободранные коровами сосенки, на опушке – рыжий стожок.

– Не нравится мне всё это, ой не нравится.

– Да уж, – повторил я. – Может, в шашки пойдем играть?

– В шашки? – Валька пристально посмотрел на меня, словно разглядывал под микроскопом микроба. – Поздно, Галочкин, отменяются шашки.

Я хотел спросить, почему, повернул голову к лесу и замер, пораженный необычайным зрелищем.

Рыжий стожок, до того мирно дремавший под теплым июльским солнышком, скособочился, потом выровнялся, снова перекосялся, уже на другой бок, и вразвалочку двинулся в нашу сторону.

Лес притих, мы тоже притихли, в четыре глаза уставившись на это загадочное явление.

Стожок двигался поначалу медленно, медленно одолел высохшую канаву, медленно вплыл в проулок и, видно, выбравшись на твердую почву, рысцой припустил к нам.

Первым пришел в себя Валька.

– Сматываемся, – скомандовал он, и мы двинули что есть сил по проулку.

Но не успели мы пробежать и трех метров, как проулок со стороны Стрелкиной улицы перекрыла мычащая парнокопытная армия.

Возглавлял ее бык Петлюра, угрюмый тупорылый злодей с черной меткой на низком лбу и сточенными в боях рогами.

Справа был высокий забор, за которым жил злобный пенсионер Епифакин. Он держал за забором пчёл и торговал на базаре мёдом.

Слева тоже был высокий забор, за которым вел хозяйство пенсионер Бабукин. Бабукин пчёл не держал, зато держал матерого волкодава Вальтера.

Стожок был уже близко; он двигался коварными петлями, и неизвестно что было у него на уме.

Мы стояли ни живы ни мертвы между молотом петлюровской армии и наковальней таинственного стожка. Стояли и не знали, что делать.

Зато знал, что делать, Петлюра. Он издал скрежещущий звук, что-то среднее между визгом мотопилы, вгрызающейся в столетний ствол, и рокотом усталого трактора.

Потом копнул копытами землю и бросился по проулку в атаку.

Со страху Валька дернулся влево, к глухому бабукинскому забору, я со страху отскочил вправо – к епифакинскому. Бык пронесся, как паровоз, между нами и на полной курьерской скорости налетел на живой стожок.

Дальше произошло вот что. Стожок подпрыгнул, будто ужаленный, разбрасывая вокруг себя золотистые клочья сена. Затем распался на части, и из него, дико вопя, вывалились две мальчишеские фигуры. Пригнув головы и размахивая руками, они рванули в сторону леса.

Мы смотрели на их сумасшедший бег и потихоньку приходили в себя. Бык Петлюра громко жевал, слизывая розовым языком прилипшее к губам сено. Его рогатая армия дружно подъедала трофеи.

Бочком-бочком, вдоль забора, я выбрался на Стрелкину улицу.

Валька на другой стороне проулка в точности повторил мой маневр, и уже через пять минут мы сидели у меня во дворе, разглядывая с хмурыми лицами дырочки на наших сандалиях.

2

– Думай, – сказал мне Валька.

Я наморщил лоб и стал думать.

– Ну? – спросил Валька через минуту.

– Может, Бунчикова попросим? Бунчиков парень сильный. Или Веника?

– Веник мою ласту утопил прошлым летом. А у Бунчикова сестра придурочная. Первый класс – а все в сказки верит. Еще думай.

– Расстрелять их из катапульты. Всю кудыкинскую компанию. Набрать коровьих лепешек и расстрелять.

– Ты, Галочкин, прямо второй Васильков. «Поршень, пар и вперед». А где ты, интересно, возьмешь эту самую катапульту?

– Катапульту-то? Да в лесу. Там их полный лес, катапульт. Нагибаешь ёлку, насаживаешь на верхушку снаряд, ёлку отпускаешь и – вж-и-ить!

Валька почесал в голове.

– А что, идея хорошая. Только какой осел будет стоять и ждать, пока в него попадет коровья лепешка?

– Ну, – соображал я на ходу, – сперва пристреляемся. Определим зону обстрела. А потом воткнем там какую-нибудь палку с запиской. «Не копай – убьет!» Ты же знаешь кудыкинских, раз написано «не копать» – обязательно весь лес перероют.

– Нет, – сказал Валька хмуро. – Не пойдет. Их сколько? А нас? Ты да я, ну еще Петухова уговорим. Это от силы по паре выстрелов с человека.

– Василькова можно.

– Васильков слишком умный, вроде тебя. КПД – четыре процента. Ему только велосипеды изобретать.

Я хихикнул, вспомнив васильковский велосипед. Вернее, идею велосипеда, с которой наш поселковый гений носился всё прошлогоднее лето. Идея была такая: если заднее колесо сделать очень большим, а переднее – очень маленьким, то педалей вовсе не будет нужно. Велосипед тогда едет сам, как бы всегда под горку.

Из-за дома выплыло облако, похожее на слона.

– Слоновья яма, – сказал я на всякий случай. – Знаешь, как в Африке охотятся на слонов? На тропе вырывают большую яму, сверху кладут тонкие жердочки, на них – ветки, землю, траву, всякие там цветочки. Слон идет, ни о чем не думает...

– А где мы возьмем слона? – спросил Валька.

Я растерялся:

– Какого слона?

– Да, Галочкин, думать – это тебе не в шашки играть. – Валька встал, сорвал с дерева зеленую сливу, надкусил, сморщился и запустил ее в смородинные кусты.

– Ой! – сказали в кустах.

Я вздрогнул, Валька нахмурился.

– Интересно, кто это там за нами шпионит? – страшным голосом спросил он.

– Это я, – ответили из кустов. – Я тут просто сижу.

Переступая грядки, мы подошли к смородине. За кустами на корточках сидела Любка, придурочная бунчиковская сестра.

– Тебя кто просил за нами шпионить?

Любка хлюпнула веснушчатым носом, глаза ее были мокрые.

– У нас пугало с огорода сбежало. Всю клубнику съело, все огурцы потоптало, а Борька говорит – это я. А это не я, это пугало. Оно с огорода сбежало, всю клубнику съело, все огурцы потоптало, а Борька...

– Про Борьку мы уже слышали, – сказал Валька. – Говори, зачем нас подслушивала? Тебя Кудыкин сюда подослал?

– Я только про слона вас подслушивала, а до этого я не подслушивала. У нас пугало с огорода сбежало...

– Ладно. – Валька махнул рукой. Толку от этой Любки не было никакого.

Любка вытерла кулаком глаза.

– Оно еще записку оставило. Вот. – Она вынула из кармашка смятый листок бумаги.

Валька взял записку, разгладил ее на ладони и стал читать.

– Пугало, говоришь? – задумчиво сказал он и передал мне записку.

«Кто не с нами, тот против нас», – написано было в ней крупными кудыкинскими каракулями.

– И куда же оно сбежало?

– В лес. Куда ему еще бежать, как не в лес?

Валька посмотрел на меня и покрутил у виска пальцем.

Я пожал плечами. Любку мне было жалко.

– Вернется твое пугало, – сказал я. – Иди домой, скажи Борьке, что он нам нужен по очень важному делу.

– Это про слона?

– Какого еще слона? – спросил Валька.

– Ну, такого... который в Африке.

3

Борька Бунчиков прочитал записку, хмыкнул и сказал бодрым голосом:

– Вот гады!

Потом еще раз хмыкнул и говорит:

– Ладно, ребята, сейчас мне некогда, я пошел. Ко мне Пашка на выходные приехал. Мы с ним лодку резиновую заклеиваем. Восемь дырок уже заклеили, осталось еще четыре. На Язевку хотим съездить, за окунями.

– Что ж, счастливой рыбалки, – сказал Валька ледяным голосом. – А Кудыкин, пока вы там рыбку ловите, весь ваш огород по кусту перетопчет.

– Не перетопчет. Ко мне Пашка приехал, у Пашки дядя тренер по боксу. У него один кулак размером с две твоих головы.

– И где же, интересно, этот твой Пашкин дядя? – злорадно хихикнул Валька. – Вы, наверно, этого дядю в кладовке про запас держите?

– Да Кудыкину, что дядя, что огородное пугало, – сказал я. – Ты еще табличку на заборе повесь: «Осторожно! Злой Пашкин дядя!»

Борька задумался.

На улице послышались шум, топот и какое-то механическое пощелкивание.

– Ребята! Галочкин! Кулебякин! – раздался пыхтящий голос.

Мы вскочили, голос был Василькова.

Обогнув дом, мы все трое подбежали к калитке. На улице у ворот стоял Васильков, и лицо его сияло, как самовар. Рядом с ним стояла странного вида конструкция; к раме от раскладушки были приделаны четыре велосипедных обода, скрепленные попарно осями. Из осей торчали штырьки, а на конце каждого такого штырька было насажено что-то вроде колодки, на которой сапожники подбивают обувь. Но не это удивило нас больше всего, а то, что на каждую из колодок – насчитали мы их не меньше десятка – были аккуратно надеты, зашнурованы и завязаны бантиком где ботинок, где дырявая кеда, где просто спортивный тапочек.

Колеса тоже не остались разутыми. На них сидели несколько огромных калош, насаженных наружу подошвами.

– Вот, – гордо сообщил Васильков, показывая на свое детище. Потом помялся и виновато добавил: – От пара пока пришлось отказаться. Ну, ничего, – он снова заулыбался, – в другой раз будут и пар, и поршень. Есть у меня в запасе одна идея...

Валька обошел васильковское чудо техники и подергал за одну из калош:

– И далеко ты на своей раскладушке собрался ехать?

– Дело не в расстоянии, – хитрым голосом сказал Васильков. – Главное здесь – эффект присутствия. Вот. – Он показал на пыльную полосу улицы. – Правда, здорово?

Улица пестрела следами. Казалось, по ней протопала целая небольшая армия.

– Армия невидимок, – довольно хохотнул Васильков. – Следов много, а людей – никого. У меня эта машина уже неделю в сарае стоит. Я все думал приделать паровой двигатель, но больно уж с ним много хлопот.

Борька Бунчиков с задумчивым видом разглядывал одну из подошв. Затем с таким же задумчивым видом посмотрел в лицо Василькову.

– Это же тот самый ботинок, который у Епифакина в бане спёрли. Я его по рубчикам помню.

Валька тоже пригляделся к ботинку:

– Нет, это не Епифакина. У Епифакина спёрли левый, а этот правый.

– Левый, правый – какая разница? – сказал я. – Епифакин разбираться не будет. Шарахнет ломом, и всем твоим невидимкам крышка.

– Я пошел, – сказал Борька Бунчиков, – мне надо лодку клеить.

– Мальчики! – Мелко топая и шмыгая облупленным носом, к нам бежала Борькина сестра Любка. – На водоеме Петухов тонет. У него бревно от берега унесло!

4

Над камышами стрекотали стрекозы и мирно перешептывались шмели.

Тихо светило солнце, вода была золотая и сонная, и у берега в золотой воде плавали золотые рыбки.

Водоем наш – круглый, как блин; берега словно обведены по циркулю; ближний берег порос травой, а на дальнем, за невысоким обрывом, стеной вырастает лес.

– Вон он, – крикнула Любка, будто бы мы сами не видели.

На воде, почти на самой серёдке, медленно качалось бревно, а на бревне, вцепившись в него руками, медленно тонул Петухов.

Тонул Петухов молча и, наверно, уже давно.

Увидев нашу компанию, он раскрыл было рот для крика, но тут бревно резко дернулось в сторону лесистого берега.

Петухов только тихо ойкнул и вцепился в него покрепче.

– Такая дылда, а до сих пор плавать не научился, – сказала Любка.

– Ну-ну. – Валька подозрительно смотрел на бревно.

– Петухов, – крикнул Борька Бунчиков, – а, Петухов? Ты ногами, ногами работай. Подгребай в нашу сторону.

– Непонятно. – Валька задумался. – Ветра нет, течения нет, как же это его угораздило?

– Оттолкнулся и поплыл по инерции, чего уж тут непонятного, – сказал Борька Бунчиков.

– По инерции? Может, и по инерции, – сказал Валька. – Только на фига ему это нужно? Себя что ли решил испытать? Нет, все равно непонятно.

– Надо Петухова спасать. – Я решительно сбросил в траву сандалии.

Тут сзади загрохотало васильковское чудо техники. Припозднившийся по причине сильно пересеченной местности, изобретатель вытер со лба испарину и с ходу включился в спасательные работы.

Из подсумка, болтающегося на задке машины, он вынул моток веревки, нашел в траве обломок сухой доски, привязал веревку к доске и пустил свой утлый кораблик по воде в сторону Петухова.

– Жаль, времени мало, – сказал Васильков, наматывая себе на запястье свободный конец веревки, – а то бы я еще винт поставил, для скорости. Ничего, в следующий раз будет тонуть – поставлю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.